

The background of the book cover is a collage of four black and white photographs. The top-left photo shows a person's hands writing in a notebook. The top-right photo shows a person's hands holding an open book. The bottom-left photo shows an elderly man in a suit and cap tending to a large bush of white flowers. The bottom-right photo shows three men in traditional Islamic attire, including a tall black cap and a patterned robe, looking upwards with one man pointing his finger.

Юрий Зинин

Реалии и судьбы
мусульман:
взгляд
из советского
прошлого

После окончания в 1965 году Института восточных языков при МГУ Юрий Николаевич Зинин поступил на работу в Агентство печати Новости.

Более 40 лет он отдал работе в Агентстве печати Новости (с 1991 РИА Новости), специализируясь на ближневосточной тематике. Зинин выступал со своими материалами по этой проблеме, по вопросам культурно-цивилизационного развития Востока, роли ислама, связей Москвы с арабскими странами и т.д.

Ю. Зинин часто выезжал в журналистские командировки внутри страны и за рубеж, возглавлял представительства Агентства в Алжире, Ираке, Тунисе, Ливане, Израиле и ОАЭ. Его перу принадлежат многочисленные статьи и очерки, опубликованные в отечественных СМИ, в научно-популярных сборниках.

В настоящее время кандидат исторических наук Ю. Зинин — старший научный сотрудник Центра партнерства цивилизаций МГИМО.

Реалии и судьбы мусульман: ВЗГЛЯД ИЗ СОВЕТСКОГО прошлого

Фотоочерки

Автор текста и фотографий —
Ю. Зинин

Автор приносит благодарность Фонду поддержки исламской культуры,
науки и образования Российской Федерации за помощь в издании этой книги.

Москва, 2011

ترميم آثار سمرقند

صنع «قطع الغيار» لجديد آثار سمرقند في ورشة الترميم المركزية

هذا المجال نصف قرن ، وهو الآن متقاعد . قال الفنان ان اجدادنا جاء بهم فرسان تيمور قبل ٦٠٠ عام الى سمرقند للقيام باعمال الـ ومنذ ذلك الوقت اصبحت حرفة صنع الفخار تنتقل في سلالاتنا من جيل الى جيل .

بلغ عبد الغفوروف ذرى المهارة في هذا ولذلك استحق لقب العامل ذي الجدارة في الثقافة في اوزبكستان .

وقال رئيس المعمل ان نوعية مصنوعاتنا قبل كل شيء يعسودها للبريد ، ونجرب تسه المنتجات الجاهزة بوضعها لمدة ساعات في خاصة تبلغ فيها الحرارة ١٧ درجة تحت الصفر ثم نغطسها بالماء ، ونكرر هذه العملية عدة وجوب ان تتحمل مصنوعاتنا هذه العملية ٥٠ وتوصلنا الى انها تتحملها ما يقرب من ٧٠ ويضمن ذلك ان يعيش السيراميك الذي تم عشرات السنين .

ولا تستعمل منتجات المعمل في سمرقند بل كذلك في المدن الاخرى مثل بخارى وخراسم والسا-آنا ، ويتنوب في اقسام مختيرة فنانون شباب يتخصصون في الترميم والديكور من مختلف مدن جمهوريات آسيا الوسطى ويراسل فنانو المعمل ويتبادلون الخبرة مختلف مراكز الترميم في البلاد .

في اراضي اوزبكستان ٢٢٢ اثرا معماريا تحت حماية الدولة التي تخصص لترميمها كبيرة كل سنة .

وبفضل عمل اساتذة فن الترميم في سمرقند نحفظ بالآثار الفريدة التي ابدعتها العبقريات الانسانية ونستطيع ان نستمتع بثمار الثقافة القديمة والحية دوما .

لكل مدينة طابع خاص ووجه فريد . ويظهر ذلك قبل كل شيء في اسلوبها المعماري والناحج الفني بين العناصر القديمة والجديدة فيها . ان كثرة الآثار القديمة في سمرقند تجذب اليها الزوار دائما . فقد احتفظت بآثار فريدة للحضارة العربية ، المآذن والمدارس المبنية في القرون الوسطى والمباني المبنية على الجدران والقبب وحطت اعمال الفنانين المعاصرين الذين يرممون الآثار القديمة ويعملوننا نسمع اصوات القرون الماضية باحترام الجميع .

صعدت الى قبة خريص تومان-اولر حيث رايت مما متهكما في العمل . فكان يضع كل قطعة لونه في مكانها وهو يلقى نظرة من حين الى حين رسومات . وبذلك كانت تهاد الزخارف التي على القبة كلها وكأنها ودا من الألوان الزاهية . تفردت بالفنان وعلست ان اسمه شيرين مرادوف ان حياته كلها مرتبطة بفن النقش والزخرفة الترميم . ويصل في هذا المجال من عام ١٩٤٥ .

سوم بتسطة في ترميم الآثار القديمة بما في ذلك حارسها اولوجيك وصديق نور-اسمير مجموع المعمارية شاء الزيد . ويماح مرادوف ران والسفوف ويبدل البلاط القديم المتداعي فريد ويعيد الألوان الزاهية للزخارف القديمة بداية الامر يتخصص الفنان بدقة ما يجب «لشخص» الرض ثم يصنع حسب «نقطة» بديلة . اما «العملية» نفسها فتستغرق وتعيد الى الآثار جمالها وعظمتها .

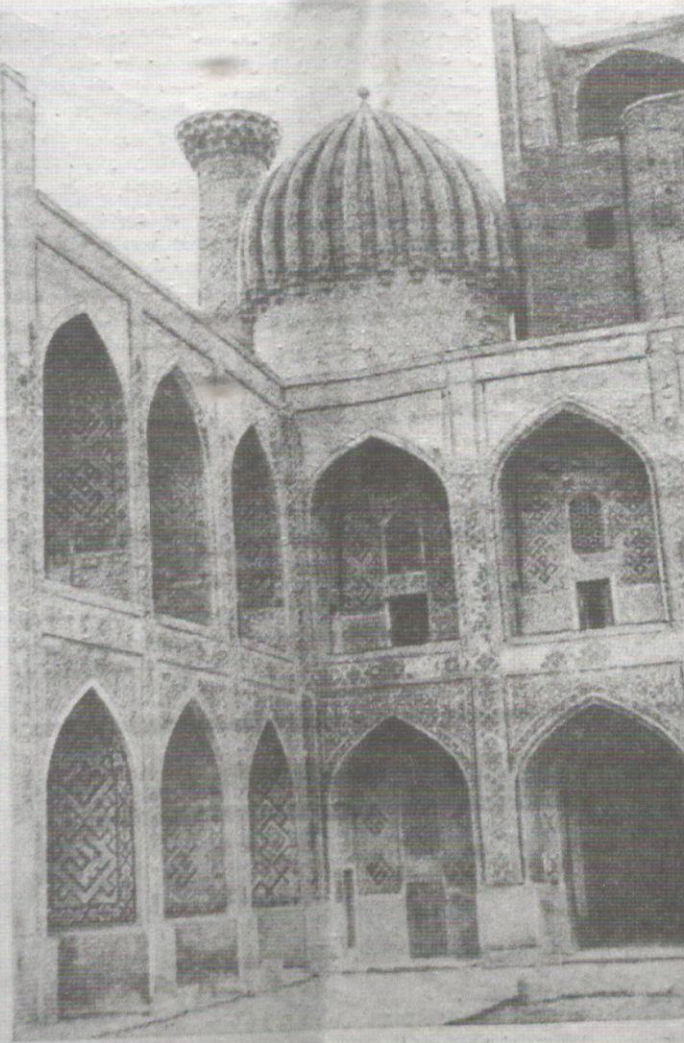
مرادوف : انظر رسومات قطع البلاط التي تشيبتها على قبة الخريص . ان كل متر مربع يحوي آلاف العناصر الصغيرة . وتتوقف دقة الترميم على دقة وجمال القطع التي تنتج في ذلك ليس سهلا .

السيراميك في المعمل عدة مراحل . ففي امر يصنع باتوان مختلفة وبعد تجفيفه نشر اسبوعا يأتي دور عملية هامة جدا دقة القطعة الفنية واحراقها وصلها .

سم السيراميك من المعمل ينسج يوف الرسام على الفخار ، لسات دقيقة الفخارية . وتخرج وكأنها امتصت لون لونه اللازوردي وصفار صحراء قره قوم شرب واوراق الاشجار التي تنبت تحت س آسيا الوسطى السخية .

الى المهارة والدق الفني الرفيع الفنان الذي يعمل في مجال صنع معرفة القرون الوسطى والاطلاع على العربي ولحن اللغة العربية لانه كثيرا المساجد والاضرحة القديمة المزدانة بالقرنية .

اما وعيد الغفوروف يعمل في هذا وهو الآن في السادسة والخمسين وعمل والده عبد الغفور جباروف في

К читателю

 В основу альбома легла серия моих очерков о жизни мусульман СССР, написанных по итогам командировок в 60–70-е годы прошлого века. Я тогда работал корреспондентом Агентства печати «Новости»¹ (ныне РИА Новости). Эти материалы публиковались в изданиях агентства, выходивших за рубежом, но внутри страны в условиях господства атеизма их появление было бы трудно представить.

Предлагая эти очерки современному читателю, я надеюсь, что, хотя они и несут определенный общепринятый штамп той эпохи, тем не менее, высветят реалии жизни мусульман нашей страны в те, уже далекие, годы. Многие факты тогда либо замалчивались, либо игнорировались.

Очевидно, что ислам, несмотря на десятилетия воинствующего атеизма и секуляризации, продолжал оставаться нравственным стержнем для миллионов людей, живших в советской стране. Освященные им многие самобытные традиции и обычаи показали свою жизнестойкость, вплетаясь в канву бытия, мотивируя взаимоотношения людей. Среди них — внутрисемейная и родовая солидарность, сплоченность, уважение к старшим, особая роль и авторитет образованных людей в обществе и т.д.

Конечно, сейчас, когда российским гражданам предоставлена полная свобода вероисповедания, трудно сравнивать ситуацию тех лет в сфере ислама с нынешней. Но история учит,

¹ Агентство печати «Новости» (АПН) — советское информационное агентство, образованное в 1961 году на основе Совинформбюро. Миссией АПН было «распространение за рубежом правдивой информации о СССР и ознакомление советской общественности с жизнью народов зарубежных стран». Ее представительства находились в более чем 120 странах мира. В 1990 г на базе АПН было создано Информагентство «Новости» (ИАН), а в 1991 году — РИА Новости.

что настоящее так или иначе всегда — продолжение прошлого. Ростки исламских знаний и образования из прошлого дали мощные всходы в более благоприятное время.

Два очерка в альбоме посвящены учебным заведениям по подготовке кадров исламских священнослужителей. В те годы на весь огромный Советский Союз таких заведений было всего два. Но из их дверей вышли люди, которые ныне занимают высокие посты в исламской умме РФ и СНГ.

Медресе «Мир-Араб» в Бухаре закончили шейх-уль-ислам Талгат Таджуддин — председатель Центрального Духовного Управления Мусульман России, Ахмат Кадыров — трагически погибший президент Чеченской республики и муфтий Чечни, шейх Равиль Гайнутдин — председатель Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман Европейской части РФ, шейх-уль-ислам Аллах-шукюр Пашаев — муфтий Азербайджана, муфтий Нурмухамет Нигматуллин — председатель Духовного управления мусульман Республики Башкортостан и другие авторитетные руководители мусульман на евразийском пространстве.

В альбоме повествуется о выпускниках старейших мировых центров исламского образования, в частности университетов Аль-Азхар (Египет) и Аль-Карауин в Фесе (Марокко). Тог-

[illegible]

да это была горстка избранных. Ныне в одном только каирском Аль-Азхаре учится около 1000 российских граждан.

Эти журналистские командировки в Среднюю Азию остались в моей памяти еще и потому, что подарили немало знакомых и друзей среди верующих, мусульманских священнослужителей, ученых-востоковедов. Позже я часто встречался с ними на международных встречах, конференциях, работу которых освещал.

Уже после перестройки некоторые из них составили актив авторов «Исламского вестника», издаваемого РИА Новости в 1991 – 1994 годах, ответственным секретарем которого я работал.

Читателю представлены фотографии, сделанные мной во время поездок в Узбекистан. Они иллюстрируют тогдашнюю жизнь, судьбы персонажей очерков, передают дух и энергетику их окружения, величие памятников исламской архитектуры, над которыми не властно время. При взгляде на эти фотографии вспоминаются стихи Анны Ахматовой, которой в годы Великой Отечественной войны довелось жить в этих краях:

*Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось...
Все так же льется Божья милость
С непререкаемых высот,*

*Все те же хоры звезд и вод,
Все так же своды неба черны,
И так же ветер носит зерна,
И ту же песню мать поет.*

*Он прочен, мой азийский дом,
И беспокоиться не надо...
Еще приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоем.*

Юрий Зинин

В древнейшем медресе у «Подножья Величия»

После многонедельного перехода караван подошел к стенам Бухары. Позади остались тяготы длинного пути из Йемена, тревожные ночи у костра. Перед взорами путешественников предстал оживленный город с многочисленными зданиями, богатыми базарами.

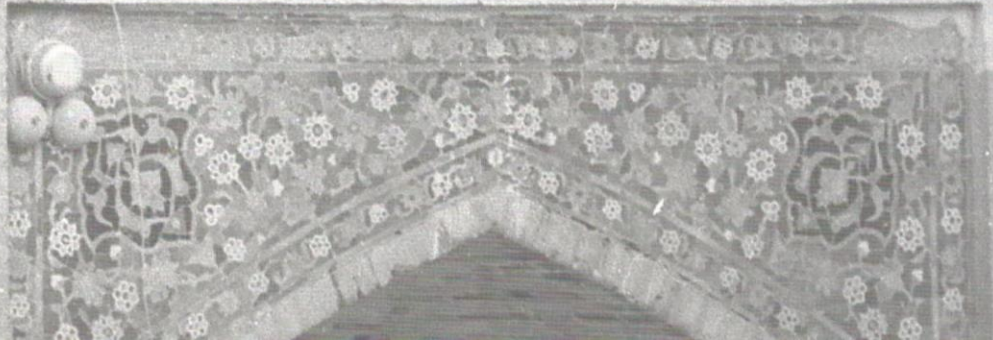
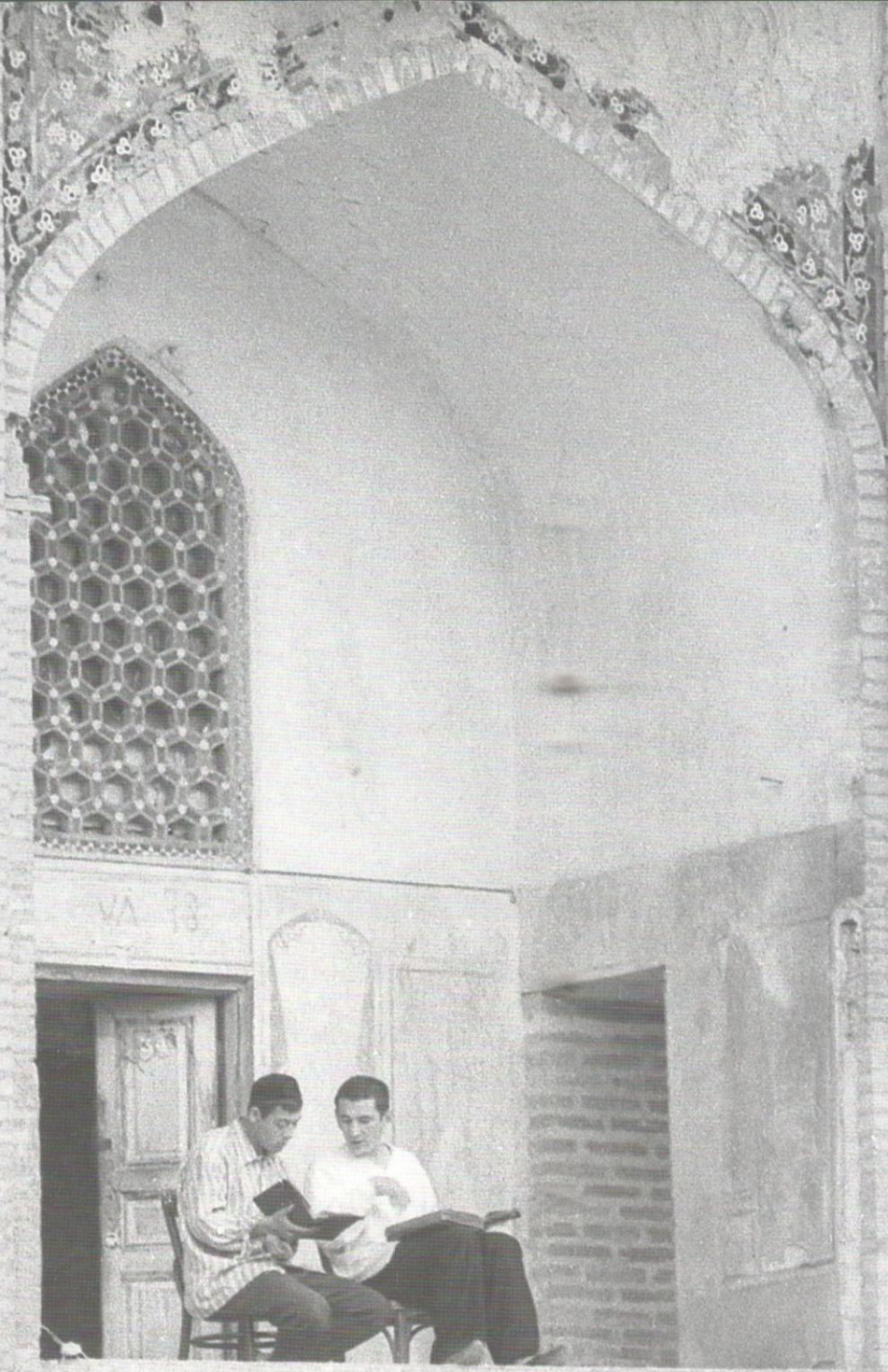
Бухарцы радушно встретили гостей, среди которых находился и улем Аль-Хадж Абдалла Йемени. Вскоре он сделался духовным пастырем правителя города Убейдуллы Хана. На его пожертвования выходец из Йемена и основал в Бухаре медресе.

С этим преданием связана история создания в 1530 – 1536 гг. бухарского медресе «Мир-Араб» (Арабский князь), которую мы слышали из уст его директора Абдуррахмана Рахматуллаева.

Мы встретились у высокого портала этого медресе на площади «Пон Калян» («Подножье Величия»), в центре старой части Бухары. Подошли к двери, на которой была табличка на узбекском и арабском языках: «Духовное училище «Мир-Араб» при Духовном управлении мусульман Средней Азии и Казахстана». Через эту дверь мы прошли в просторный двор медресе.

Мне предстал островок старинного зодчества. Он был окружен аркадой двухъярусных келий — худжр, которые прятались в айванах — глубоких нишах или залах, открытых с одной стороны и закрытых с трех других. На кирпичач, которыми были выложены стены здания, виднелись узоры с астральными мотивами или извивающейся арабской вязью. Сияли лазурной керамикой два купола внутренней мечети.

Очевидно, что мы попали сюда во время перемены: во дворе, вымощенном каменными блоками, прохаживались, стояли

группками студенты. Одни были одеты в полосатые халаты с чалмами, другие — в темные костюмы, белые рубашки с галстуками и тюбетейки. Увидев директора, они кланялись, прижимая руки к груди.

Директор провел меня в одну из келий, где находился его кабинет. Со слов своего собеседника я понял, что «Мир-Араб» — единственное в СССР среднее учебное заведение для подготовки священников исламского культа. Оно функционирует почти без перерыва с XVI века по сей день.

На какой-то период после революции 1917 года медресе закрывалось. В годы Великой Отечественной войны здесь временно размещались беженцы: в 1942 году Бухара приняла и расселила около 10 тысяч человек. Но в 1946 г. двери «Мир-Араб» вновь распахнулись.

«Абитуриенты, — продолжил директор, — сдают экзамены на первоначальные знание религии и Корана. Учеба в «Мир-Араб» длится семь лет. Недавно она продолжалась девять, а в 19 веке студенты учились здесь по двадцать, а иногда и по тридцать лет.

Под руководством известных устазов — знатоков богословия — студенты изучают Коран, хадисы, таджвид, фикх, историю религии и культуры, арабский язык, грамматику, литературу

ру и ряд светских дисциплин. Студентам также преподают искусство проповеди.

В 1968 – 69 гг. мы ввели обучение специальной группы студентов, приехавших из районов распространения шиизма. До этого принимали только суннитов».

Сам директор получил диплом «Мир-Араб» в 1965 году, а затем три года стажировался в известном на весь мусульманский мир Кайруванском университете (Марокко).

Он предложил мне совершить экскурсию по учебному заведению. Зашли в одну из аудиторий — дарс-хану. Здесь седобородый учитель вел урок таджвида — декламации священного Корана. Склонив голову, он внимательно слушал своих учеников. Рука его, подобно кисти дирижера, то плавно двигалась, словно ведя за собой интонацию чтецов, то замирала, заставляя их сделать паузу, чтобы набрать дыхание.

«Таджвид, — объяснил мне после урока Шейхабуддин Муминов, отдавший своей работе в медресе четверть века, — традиционная кораническая дисциплина. Это чтение священной

книги нараспев издревле было ритуалом, требовавшим высокого мастерства.

Есть три вида таджвида: чтение в медленном темпе, среднем и быстром. Нужно много трудиться, чтобы достичь красоты и выразительности чтения».

У некоторых студентов я заметил переносные магнитофоны. Свое чтение они сверяли с записями известных чтецов Корана из Средней Азии, а также из арабского мира.

По словам директора, Шейхабуддину Муминову несколько лет назад довелось побывать в Пакистане, где он с успехом участвовал в международном конкурсе чтецов Корана.

Из аудитории Рахматуллаев провел меня в небольшую мечеть при медресе. Здесь будущие наставники мусульман выполняли одно из обязательных предписаний религии — ежедневную пятикратную молитву, а также практиковались в чтении проповедей.

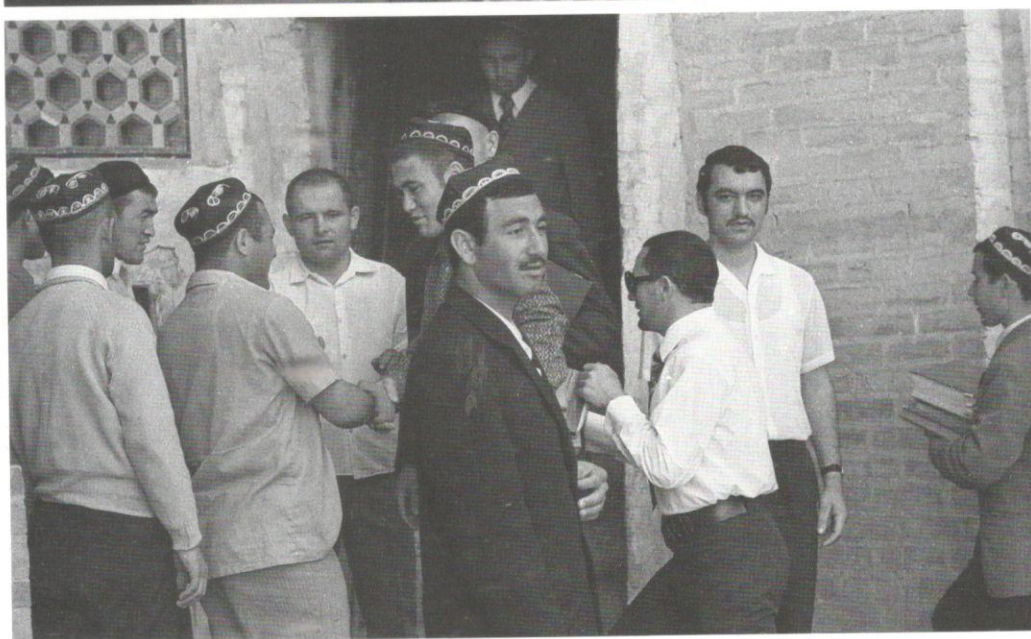
Мы зашли в учебную библиотеку, заполненную томами богословской литературы на арабском, персидском и узбекском языках. Здесь хранятся и старинные книги и рукописи, в том числе и труды выпускников «Мир-Араб», получившие признание у теологов.

Среди окончивших это заведение в XIX веке — Кади Аскар, ставший затем одним из духовных наставников братства Накш-бандия, шейх Ишан Малик, известный как видный муфассир — комментатор Корана.

Вообще в последние века, — сказали мне в библиотеке, — Бухара в глазах мусульман Российской империи (Поволжья, Сибири и т.д.) была авторитетным центром образования. Так, в «Мир-Араб» занимался, а затем служил имамом в его мечети известный татарский просветитель и реформатор ислама Шигабутдин Марджани.

Когда после дневного света я попадал в помещения медресе, где царил полумрак, окутывавший творения старинных мастеров, то явственно ощущал дыхание других эпох. Слабый свет, проникавший вовнутрь, выявлял блестяще продуманные зодчими формы. Массивные, почерневшие от времени двери с резной

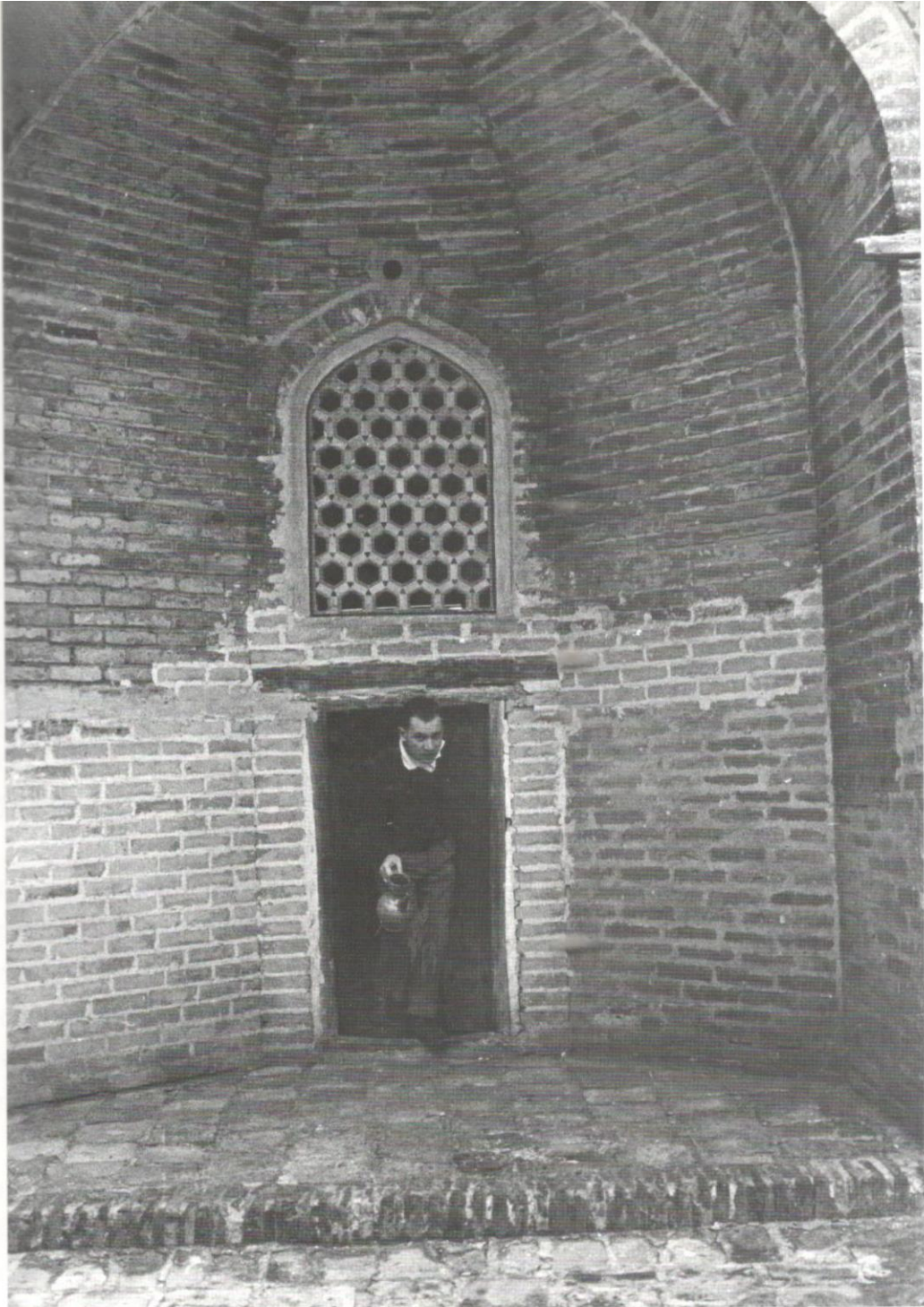

инкрустацией, с тяжелыми медными ручками и алебастровые решетки вместо окон в кельях студентов казались экспонатами музея под открытым небом.

В стенах этого медресе не одно поколение приезжавших за знаниями находило приют. Внутри обстановка была скромной, почти спартанской: кровати с никелированными спинками, застланные покрывалами. На оштукатуренных стенах висели неизменные атрибуты — коранические надписи, на тумбочках — были сложены стопки книг и тетрадок.

Здесь, как видно, ничего не отвлекало от занятий студентов, которые жили по канонам своего распорядка дня, здесь все возвышало религиозную мысль над земной суетой.

На столиках стояли традиционные пиалы и чайники, которые студенты постоянно заваривали. Гостеприимные хозяева наперебой предлагали мне чай, лепешки, сладости. Были приглашения остаться и попробовать готовящийся плов.

Как я узнал от будущих наставников мусульман, большинство «семинаристов» до приезда в Бухару окончили среднюю школу, успели поработать кто в городе, кто в деревне, многие отслужили в армии. Некоторые были женаты и имели детей.

До приезда в Бухару они жили в разных концах СССР, в регионах традиционного исповедания ислама, представляли более десятка национальностей: узбеки, таджики, татары, башкиры, чеченцы, азербайджанцы и т.д.

Пришли к решению учиться в медресе по разным мотивам. Одни происходили из семей священнослужителей и хотели пойти по стопам родителей. Другие — вовремя не получив образования, хотели поднять свой уровень знаний.

Абдулхамид Турсунов из Андижана сказал, что ему по душе учиться в стенах этого старейшего учебного заведения страны. «Это, собственно, как жить в интернате обычной школы. Занятия начинаются 1 сентября и идут до мая. Потом каникулы. Ежегодно сдаем переводные экзамены по важнейшим предметам, а в последнем классе — выпускные экзамены.

Мы не только учимся, с первых лет учебы практикуемся к самостоятельному ведению службы в мечетях Бухары. Участвуем в церемониях в домах верующих при исполнении религиозных обрядов».

Как и в обычных светских учебных заведениях, учащиеся «Мир-Араб» получают стипендию, но в данном случае от Духовного управления мусульман. Женатым студентам мусульман-

ские общины, пославшие их на учебу, еще выделяют денежное подспорье для семей.

Что же ждет их после выпуска, — спросил я ребят. Как правило, это назначение на должности имамов или заместителей имамов мечетей, работа в Духовных управлениях мусульман СССР, которых в настоящий момент четыре.

Многие не скрывали, что мечтали попасть на стажировку за границу. «Мир-Араб» через Духовное управление поддерживает связи с шариатскими факультетами АРЕ, Ирака, Сирии, Марокко. Наиболее отличившихся выпускников поощряют поездками в эти страны.

Когда первые лучи заката заскользили по крыше минарета, студенты заторопились на предвечернюю молитву (саят аль-аср). Вернувшись, одни разошлись по комнатам, кто-то отправился в город, другие — посмотреть передачу по телевизору, установленному в одной из келий.

Среди молодых людей были и любители спорта. Они собрались у турника под аркой во дворе, чтобы поупражняться на перекладине, затем повесили волейбольную сетку и пригласили меня поиграть, что я и сделал. Свисток судьи, возгласы азартно игравших ребят гулким эхом разносились по двору медресе, мяч отскакивал от седых каменных блоков, которыми был выложен двор.

Стены здания, строгие в своих монументальных первозданных формах, гурхана (усыпальница) с деревянным надгробием йеменского шейха — основателя медресе «Мир-Араб», словно прислушивались к современным ритмам, ревниво храня тайны минувших времен.

Бухара, 1973

Один день из жизни мутавалли Ташкента

 Каждое утро, едва забрезжит рассвет, он встает, одевается, выходит на маленький зеленый дворик своего дома. Ему некуда торопиться — вот уже 4 года этот человек на пенсии. На дворике еще никого нет, вся его семья еще спит. А семья 66-летнего Мансура-ака большая — четверо взрослых сыновей (самому младшему 28 лет), каждый из которых женат и имеет детей.

Однако все продолжают жить в одном доме, никто не хочет отделяться. Слишком сильны традиционные узы родства, воспоминания о трудностях и радостях, пережитых сообща.

В этот дом под номером 5, на улице Прядильная, в одном из тихих районов Ташкента я попал по совету одного из работников Духовного управления мусульман Среднего Азии и Казахстана, когда приехал в командировку. На мою просьбу устроить встречу с одним из верующих города, чтобы рассказать о его жизни, мне назвали адрес Мансура Махмудова — мутавалли местной мечети. При этом добавили, что человек он старой закалки, уважаемый в среде верующих, хотя и не очень словоохотливый. Так я попал в этот дом, где меня радушно приняли и где я провел два дня.

Отправив внуков в школу, Мансур-ака присаживается за низкий столик и, потягивая чай из пиалы, вспоминает свое детство. Биография этого человека во многом схожа с биографией тысяч и миллионов простых тружеников.

Родился Мансур-ака в этом же доме и еще хорошо помнит старый Ташкент. Он был 10-летним мальчиком, когда умер его отец. И ему часто приходилось из этого дома отправляться не в школу, а в город, чтобы найти какую-нибудь работу. В семье

он был старшим, и надо было позаботиться о матери и двух сестрах. Работал он в разных местах всю свою жизнь, а последние двадцать лет грузчиком на железной дороге.

Вот и дом пустеет: все кроме маленьких детей и женщин, ушли на работу. Мансур-ака и сам поглядываем на часы — пора и самому выходить. Каждый день в 12 часов он идет в местную мечеть «Ракят», где уже в течение двух лет исполняет обязанности мутавалли.

Мечеть сравнительно новая, ее возвели в 1959 году в том же квартале, что и дом Махмудова. Мансур-ака помнит, как верующие, решив соорудить новый храм, помогали чем могли: кто деньгами, кто стройматериалами, кто собственным участием в строительных работах.

Новым мутавалли избрали Махмудова. «Человек он авторитетный, известный труженик, в округе его уважают за честность и богобоязненность», — так отзывались о нем на собрании прихожане.

На пенсионера возложена обязанность следить за состоянием мечети, порядком в ней, решать финансовые, организационные вопросы общины и т.п.

В мечеть «Ракят», где он бывает несколько раз в день, приходят молиться, в основном, люди пожилого возраста. Среди них много старых друзей и знакомых мутавалли. На этот раз у ворот мечети он встречается имама Расула Карабаева, обнимает своего старинного приятеля Абдель Керима Махкямова, с которым вместе рос и играл на одной улице.

Тот выглядит посвежевшим и отдохнувшим: несколько дней назад вернулся с курорта — в течение месяца лечился в санатории по путевке от своего предприятия. Друзья переносят свой разговор на вечер — муэдзин призывает к молитве.

После полуденной молитвы (саят аз-зухр) верующие расходятся по домам. Мансур-ака вместе с Абдель Керимом и дру-

гими друзьями решают посидеть в ближайшей чайхане и поесть плова.

Плов — кушанье из вареного риса с бараниной, любимое блюдо узбеков. По традиции настоящий узбекский плов готовят только мужчины. Поэтому Мансур-Ака и Абдель Керим, засучив рукава, занимаются у плиты этим почетным и важным делом. Остальные, поручив ответственность за плов, двум друзьям, неторопливо беседуют под тенью раскидистого дерева.

Но вот на большом блюде дымится аппетитная гора риса. Разговор на минуту утихает — гора постепенно худеет и уменьшается, к ней тянутся руки едоков, не страдающих отсутствием аппетита.

Затем приступают к зеленому чаю со сладостями. Наступает пора для разговоров. Беседуют люди, которые много повидали и потрудились на свете. Все они ныне на заслуженном отдыхе, получают вполне достойную пенсию.

Самому старшему в этой компании, Керимову, 81 год, младшему — Адхамову — 61 год. Обоим пришлось повоевать во время Великой Отечественной войны. Каждый хочет похвастаться успехами своих детей или внуков, подчеркнуть важность выполняемой ими работы. Впрочем, все прекрасно понимают, что хорошо, когда дети выросли, выучились, стали кто мастером, кто доктором, кто инженером.

У них своя жизнь, свои интересы. Однако они с уважением, как учили их в школе и воспитывали в обществе, относятся к вере отцов. Ведь ходить в мечеть и верить в бога в советском государстве — сугубо личное дело каждого.

Вечереет. Другьям пора домой. Мансур-ака возвращается домой, где у него всегда находится куча дел. Правда, сыновья теперь не позволяют ему исполнить тяжелую работу.

Но готовить плов — остается его непререкаемым правом. Когда по праздникам его сыновья и дочь собираются за столом, и не хватает места, чтобы усадить двадцать внуков Мансура-ака, он торжественно несет поднос с пловом — плод трехчасовой работы у плиты.

У врачей древностей

«О пользе семейственности»

По узкому деревянному настилу я поднялся на самый верх мавзолея Туман-Ока, возле купола которого я увидел реставратора в синем халате. Он же не сразу заметил меня — сидя на корточках, он сосредоточенно работал, изредка поглядывая на разложенный перед собой чертеж. С каждым его движением новый, причудливого цвета изразец вставал на свое место, облакая купол в яркий новый наряд.

Отсюда сверху открывалась незабываемая панорама города Самарканда: устремленные в небо стройные минареты, похожие на крепости старинные медресе, блистающие бирюзой купола средневековых мечетей.

Мастера, который реставрировал купол мавзолея Туман-ока, звали Ширин Мурадов.

Вся профессиональная жизнь этого умельца связана с искусством росписи и реставрации: в этой области он работает с 1945 года. Медресе Улуг-Бека, мавзолей Гур-Эмир, архитектурный ансамбль Шах-и-Зинда в Самарканде несут на себе следы его кропотливого труда.

Уроженец Самарканда, Ш. Мурадов почти не покидал своего родного города, но когда была нужна его помощь, мастер выезжал в другие места для участия в работах по декоративному оформлению театров и общественных зданий Ташкента и Душанбе.

Подобно искусному и заботливому лекарю Ширин лечит «больные» стены и своды, меняет обветшалую и полуразрушенную от времени плитку, восстанавливая палитру ушедших веков.

Сначала мастер скрупулезно осматривает и изучает пострадавшие фрагменты, ставит свой «диагноз». Затем по его «рецепту» изготавливаются «запасные части», а сама «операция» пересадки, которая длится много дней, а порой и недель, возвращает памятникам арабско-мусульманского зодчества первозданную красоту и величие.

Один из сыновей Ширина, закончив два года назад среднюю школу, пошел по стопам отца. «Я уверен, — сказал Мурадов, — остальные мои пять сыновей, став взрослыми, придут на мое место. Два моих брата — Усман и Кудрат — тоже реставраторы».

Он добавил, что среди местных мастеров-реставраторов профессия часто переходит по наследству. Такая «семейственность», прежде всего, означает преемственность опыта, профессиональных навыков и приемов. И где, как не в семье, в близком кругу под покровительством отца или дяди воспитывается вкус, передается твердость руки и творческое воображение.

«Взгляните на эскиз сталактита, который предстоит укрепить на разрушенном куполе мавзолея, — произнес Ширин Мурадов. — В квадратном метре этого фрагмента — до тысячи мелких элементов! Нужно заполнить утерянное новым материалом: квадратиками, уголками, ромбиками, покрытыми глазурью. Чистота и качество работы реставратора зависят от образцов, которые производятся в нашей мастерской».

«Законные фальшивомонетки»

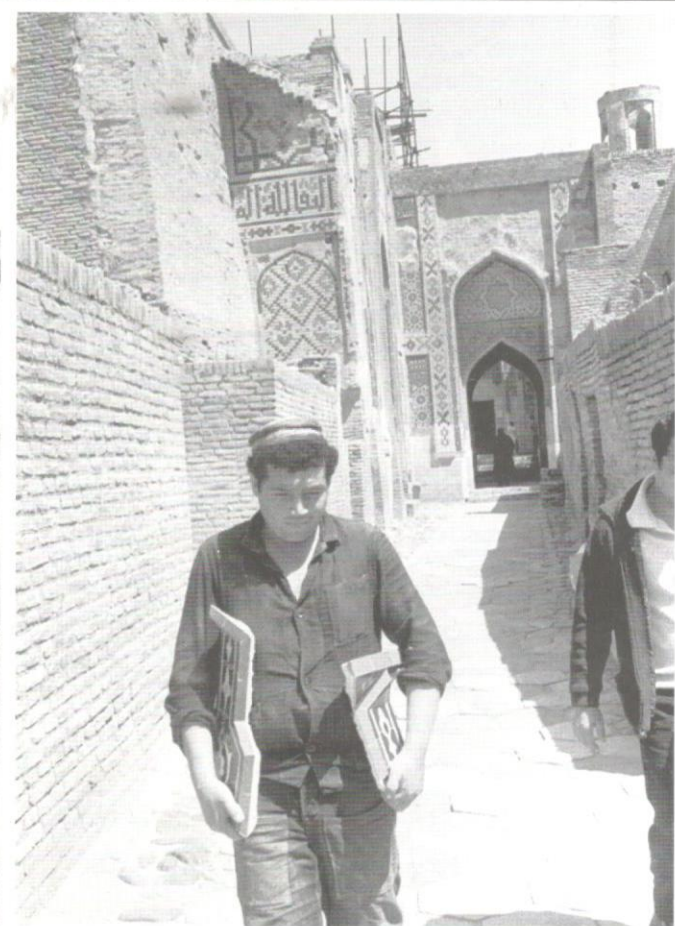
В пяти километрах от города на шоссе, ведущем на аэродром, можно было видеть съезд, который отмечен табличкой с довольно длинным названием: «Самаркандская специальная научно-реставрационная производственная мастерская». Под крышей этого весьма неказистого, на первый взгляд, здания располагалось весьма необычное и даже экзотичное производство.

«Мы иногда в шутку называем себя фальшивомонетчиками, — улыбаясь, сказала мне инженер-технолог керамического цеха Вера Кондратенко. — Судите сами, наше назначение — выпускать небольшие партии керамики для реставрации памятников и восстановления их утраченных частей. Поэтому продукция мастерской должна в точности имитировать по всем показателям плоды труда старых ремесленников. Это совсем не просто, ведь в старину мастера хранили секреты своего производства, состав красок и глазури, продолжительность обжига и т.д.

В нашей мастерской, существующей с 1938 года, разработаны методы и технология для современного производства. Наши заказчики, мастера-реставраторы, очень требовательны и строги. Ведь сколько памятников, столько и оригинальных стилей древних ремесленников, создававших их. Наша продукция должна удовлетворять заявкам заказчиков как по художественной достоверности и качеству, так и по долговечности и прочности».

Здесь в мастерской я узнал, что злейшие враги реставраторов — не только смена сезонов и перепады температур, буйные ветры, дожди и выпадающий зимой снег, но и обыкновенная колючка. Это, казалось бы, безобидное растение, пробившись в стене, «взрывает» не только плотный слой керамики, но и цемент и даже бетон! Все эти факторы работники мастерской учитывают в своей работе.

В сопровождении Веры Кондратенко я познакомился с процессом изготовления изразцов. Ловкие руки формовщиков придавали влажной глине различные формы. После сушки, которая продолжается неделю, наступает ответственный этап: роспись изделий, обжиг и шлифовка.

«Потомок пленников Тамерлана»

Художник-керамист Абдул Гафуров работает неторопливо. Аккуратными мазками он наносит краску на детали жгута, который затем обовьет пострадавшую колонну. Разноцветные изразцы, пройдя через его руки, словно впитывают в себя лазурь самаркандского неба, яхонтовую желтизну каракумской пустыни, изумрудную зелень, растущую под щедрым среднеазиатским солнцем.

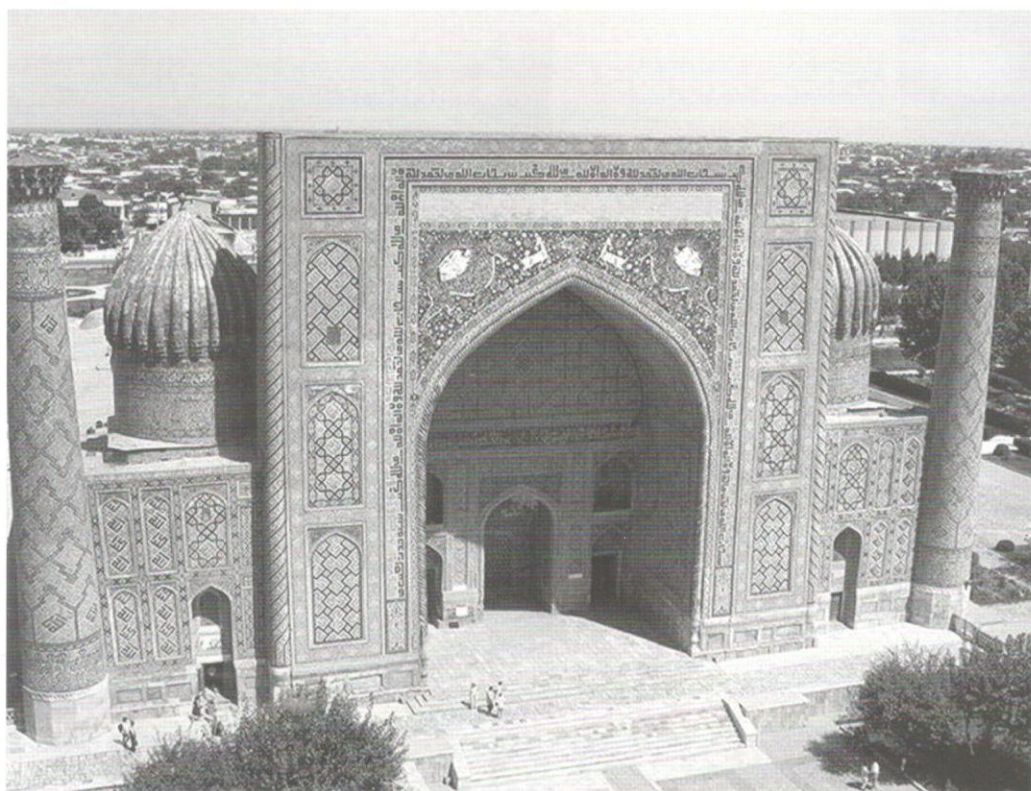

Готовые образцы трудно отличить от представленных здесь подлинников, возраст которых на десятки и сотни лет больше.

Из 55 лет своей жизни 35 Гафуров отдал мастерской. Он рассказал о своей родословной. «Еще 600 лет назад всадники Тамерлана пригнали на строительные работы в Самарканд из Шахризба моих далеких предков. С тех пор они поселились здесь и из поколения в поколение занимались гончарным ремеслом».

Отец его — Абдулла Гафор Джаббаров, посвятивший гончарному делу полвека, сейчас на пенсии. Опытный мастер достиг совершенства в своем деле, за свой труд удостоен звания «Заслуженный деятель культуры Узбекистана», награжден несколькими медалями.

А труд реставратора-керамиста Гафурова требует не только мастерства и художественного вкуса, но и знаний средневековой эпохи, стиля и почерков давно умерших мастеров, знакомства с арабской письменностью и грамматикой. Ведь порою мастеру

приходилось восстанавливать разрушенные временем и эрозией целые выдержки из Корана, которые в фантастическом переплетении застыли на стенах мечетей и гробниц.

Коллега Гафурова — Ташмахтум Курбанов. Опыт и навыки этого молчаливого и скромного человека чрезвычайно важны при обжиге. Как никто другой, он разбирается в составе красок и глазури, контролирует необходимую температуру и продолжительность обжига. Интуиции и наметанному глазу Курбанова доверяют здесь больше, чем показаниям приборов. Его, как и других умудренных опытом мастеров, с уважением величают здесь словом «устаз», что значит «учитель».

«Критерий прочности»

Продукция мастерской предназначена для восстановления первоначальной красоты и величия реставрируемых памятников. Насколько же долго будут служить производимые здесь запчасти?

На этот вопрос мне ответил директор мастерской Николай Шамиев. «Критерием качества наших изделий служит морозостойчивость. Образцы изделий мы подвергаем испытаниям: на

несколько часов оставляем в камере при температуре 17° ниже нуля, затем погружаем в воду и так много раз подряд. Каждое такое испытание у нас именуется «циклом». По стандарту наша продукция должна выдержать 50 таких циклов. Мы добились, что наша продукция выдерживает до 70 циклов, эта гарантия

того, что наша керамика будет исправно служить многие десятки лет».

Продукция мастерской используется в реставрационных работах по всей Средней Азии. В цеха и лабораторию предприятия приезжают на стажировку и практику молодые художники-реставраторы и декораторы из различных городов страны.

Покидая Самарканд, я уносил с собой чувство признательности к этим людям — мастерам своего дела, глубоко преданным своей профессии.

Их каждодневный кропотливый труд не позволяет исчезнуть неповторимым творениям исламской эпохи, дарит нашим современникам радость встречи с восстановленными сокровищами древней, но вечно живой культуры.

Самарканд, 1973

В гостях у имама Фуладжана Абдеррахимова

 Фуладжану Абдеррахимову 36 лет. Он живет в Ташкенте — столице Узбекистана, одной из советских среднеазиатских республик. Этот неторопливый и крепко сбитый человек каждое утро выходит из ворот дома, окруженного тенистым садиком, и идет пешком одной и той же дорогой к месту своей службы — в мечеть Мирза-Юсефа. Он имам-хатиб этого храма.

Несколько слов о религии и верующих. В СССР живут последователи трех крупнейших религий современного мира: ислама, христианства и буддизма.

В Советском Союзе функционирует около 20 тысяч религиозных объединений, относящихся к различным вероисповеданиям. Приверженцы ислама проживают в основном в Средней Азии, на Кавказе, в Татарии и Башкирии, а также в некоторых районах Сибири.

Духовную жизнь советских мусульман направляют четыре Духовных управления, действующих по территориальному признаку. Они расположены в Уфе, Махачкале, Баку и Ташкенте. В их ведении находятся мечети и культовые учреждения, подготовка кадров священнослужителей, выпуск религиозных изданий и периодической литературы, контакты советских мусульман с их единоверцами за рубежом и т.д.

Фуладжан Абдеррахимов родился и вырос в кишлаке Хартум, расположенном в одной из областей Узбекистана. Его родители, братья и сестры работали в местном колхозе. В семье всегда уважительно относились к исламу, соблюдали его заповеди.

После окончания средней школы Фуладжан решил посвятить себя служению религии. Юноша поступил в Бухарское медресе — единственное учебное заведение советских мусульман.

Девятилетний курс училища был завершён Абдеррахимовым в 1965 году, но на этом учеба его не закончилась. 1967 – 68 годы, будучи уже отцом семейства, он провел в стенах каирского Аль-Азхара, а затем три года, с 1970 по 1973, отдал занятиям на шариатском факультете Дамасского университета.

По возвращении на родину сын узбекского крестьянина получил назначение на пост имама-хатиба в мечети махалли Бадамзар — одного из районов узбекской столицы.

Мечеть эта названа в честь Мирзы-Юсефа — исламского проповедника, жившего во времена знаменитого Улугбека. Она построена в 80-е годы XIX века и хорошо сохранила свой первоначальный архитектурный облик.

В пятницу, в полдень, когда вместе с имамом я подходил к мечети Мирза-Юсеф, у ее ворот собралась толпа верующих.

Судя по одежде, здесь были не только жители столицы, но и крестьяне из окрестных деревень. Поклоны и сердечные приветствия, улыбки и рукопожатия говорили об уважении, которое питали пришедшие к своему духовному наставнику.

Но вот голос муэдзина позвал всех на молитву, и многие поспешили в мечеть, другие рядами устроились во дворе, предварительно устланном покрывалами.

Свою проповедь имам произносил на арабском и узбекском языках. В ней он напомнил об основных предписаниях исламской религии, призвал верующих быть открытыми сердцем и душой к богоугодным делам и поступкам, быть милосердными, предостерегал от недоброжелательства, злобы и зависти.

«Добрые дела, — поучал проповедник, — делаются не ради самодовольного бахвальства, а в угоду Аллаху». Имам-хатиб порицал нечестность и корысть, напомнил об обязанности исполнять общий долг — прилежно трудиться во имя блага ближнего и интересов всего общества.

Проведя пятничную службу, Абдеррахимов пригласил меня в гости в семью одного из верующих — Ибн-Тухтамурада Ходжаева, «на свадебное торжество», — добавил он.

Ритмичный стук барабанов, протяжные звуки труб, свист флейты были слышны по всему кварталу еще до подъезда к дому молодоженов. Под этот аккомпанемент ликующая толпа гостей подходила к широко распахнутым воротам дома.

Во дворе, на открытом воздухе, тянулись длинные столы, заставленные тарелками с зеленью и фруктами, в углу стояли большие котлы, из которых шел аппетитный дымок наваристой шурпы и ароматного плова. Повара в белых халатах проворно заполняли до краев тарелки гостей горячим угощением.

В основном вокруг были мужчины, суетились мальчишки. Женщины располагались в одной из комнат внутри дома и лишь изредка появлялись во дворе, чтобы помочь в организации праздника. Женился один из сыновей местного жителя Ходжаева — Абдель Вахаб — сияющий от счастья молодой парень среднего роста в черном костюме и в галстуке.

Имама сразу усадили на почетное место. Все на минуту затихли, он прочитал суру «Аль-Фатиха». И вскоре шум праздничного застолья, возгласы, шутки и смех вновь захватили пришедших на свадьбу гостей. Несколькими днями ранее Абдеррахимов уже побывал в этом доме, где по желанию молодых и их родителей совершил религиозный обряд бракосочетания.

Только к вечеру гостеприимные хозяева отпустили имама домой, где мы смогли побеседовать. Жена священнослужителя, приготовив ароматный зеленый чай, оставила нас в кабинете. В соседней комнате детишки смотрели телевизор. Всю стену кабинета занимали книжные шкафы, заполненные толстыми томами в кожаных переплетах. На многих корешках были золотом вытеснены арабские письма.

«Это книги по вопросам богословия, труды и трактаты арабских улемов, — пояснил Фуладжан, — они привезены мной из Египта и Сирии. Во время стажировки в Аль-Азхаре я слушал лекции известных каирских профессоров. Среди них был и достопочтенный шейх мутавалли Абдалла Аль-Фукай, у него в свое время занимались и нынешний муфтий мусульман Средней Азии и Казахстана Зияуддин Бабахан, и его сын Шамсуддин».

Имам добавил, что в Ташкенте живет и плодотворно работает целая плеяда его соотечественников, окончивших Аль-Азхар.

В беседе со мной он вспоминал и свою учебу в Дамаске, особенно тепло отзывался о преподавателе Корана и тафсира

Нуриддине Итра. «Его благожелательность, чуткость и талант педагога, отеческое внимание к студентам помогали мне двигаться на пути познания слова Божьего, — сказал Абдеррахимов. — Запомнилось высказывание этого наставника: того, кто задумывается над словом, оно вознаграждает новыми находками и мыслями».

Имам подлил мне горячего чаю и снова заговорил о годах, проведенных в Каире и Дамаске. Для него это было время не только получения теологических знаний, но и живого общения с единоверцами арабского Востока. «Существует память веков, которая передается из поколения в поколение. Эта память связывает народы Средней Азии и арабов, веками объединенных общей верой и культурой. И мы это очень чувствовали там», — признавался имам. Он сказал, что в Узбекистане всё чаще бывают единоверцы из арабских стран — кто в качестве туриста, кто приезжает на различные конференции и форумы, кто — на учебу в советские вузы. «В свою очередь представители наших мусульман тоже выезжают за рубеж, совершают паломничество в святые места».

Абдеррахимов не раз бывал за границей в составе делегаций, совершил хадж. В прошлом году местные верующие избрали его участником международной научно-богословской конференции «1200-летие Аль-Бухари и современность», проходившей в Самарканде. Там он имел возможность пообщаться и с бывшими однокурсниками из арабских стран.

День, проведенный мной в обществе имама, был на исходе. Фуладжан Абдеррахимов посмотрел на часы, поднялся — в мечети его ждали к вечерней молитве. Прощаясь со мной, он ответил на вопрос, который я мысленно задал ему еще в самом начале беседы. Он сказал: «Я вижу смысл своей деятельности в том, чтобы влиять на жизнь верующих так, как этого требует моя совесть, дух времени и предписания нашей религии».

Ташкент, 1975 год

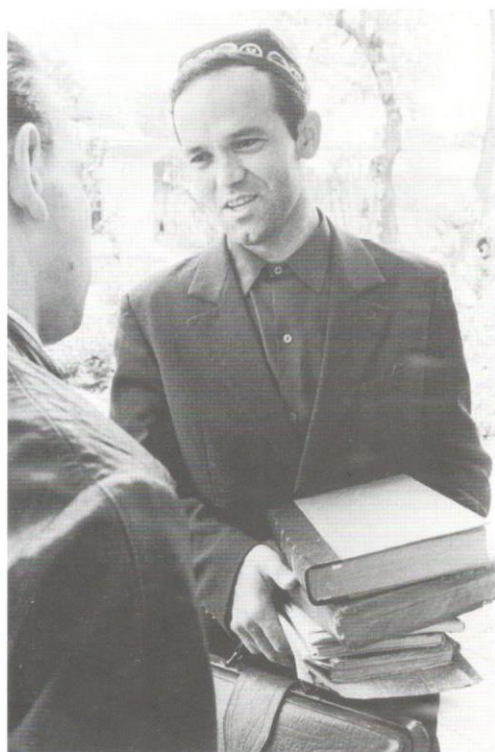
Кузница кадров священнослужителей в Ташкенте

 Ташкент. Улица Хамзы, 103. Сумка почтальона, приносящего сюда письма, всегда увесиста. По этому адресу находится одно из двух десятков высших учебных заведений города, в котором живут и учатся 120 тысяч студентов.

Но этот вуз отличается от всех остальных и своими учебными программами, и самим процессом обучения. Среди студентов нет девушек. Его учащиеся встают раньше всех в квартале — в три тридцать утра, чтобы наступающий день встретить ранней утренней молитвой «саят аль-фаджр». Они учатся в Высшем исламском институте имени имама Аль-Бухари при Духовном управлении мусульман Средней Азии и Казахстана.

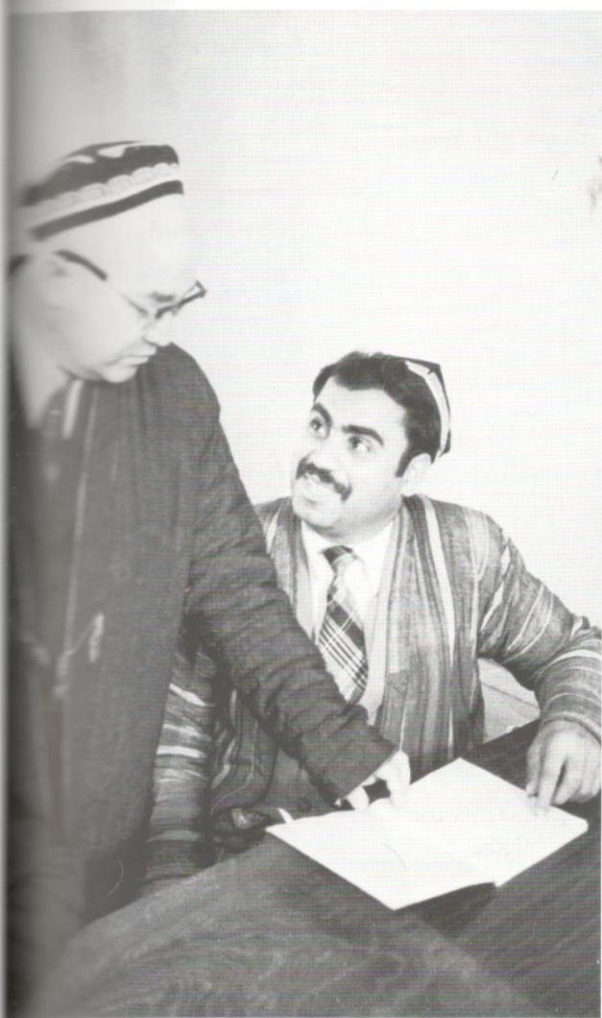

Его директор Асраркул Маулянкулов, беседуя со мной, сообщил, что институт создан недавно, в 1971 году, с целью подготовки кадров высокообразованных священнослужителей и богословов для мусульманских регионов СССР. В Средней Азии, внесшей большой вклад в развитие мусульманской цивилизации и культуры, проживает большая часть исповедующих ислам граждан Советского Союза. Здесь издавна были центры исламского образования, пользовавшиеся хорошей репутацией в разных концах исламского мира. К примеру, медресе «Мир-Араб» в Бухаре, основанное в 16 веке, функционирует и ныне. «Но его профиль как среднего учебного заведения для подготовки кадров священнослужителей уже не удовлетворяет наши потребности», — говорит директор. — Поэтому его стал дополнять Высший институт, в котором учебный процесс построен в ключе программ каирского Аль-Азхара, Кайруванского университета в Марокко, других высших религиозных заведений мусульманских стран».

В кабинете директора висит список предметов, изучаемых в институте в ходе четырехлетнего обучения. Он включает широкий круг богословских дисциплин: Коран, хадисы, фикх, шариатские законы, историю ислама, риторику. Светские предметы представлены обществоведением, экономикой, историей, литературой, иностранными языками, главным из которых является арабский — язык Корана.

Сейчас в институте занимаются студенты, приехавшие не только из Средней Азии, но также из Закавказья, Дагестана, Европейской части Советского Союза. Занятия ведутся на узбекском, арабском и русском языках.

Вместе с директором заходим в одну из аудиторий на урок толкования Корана. У доски, испещренной убористыми араб-

скими письменами, — невысокий плотный преподаватель Абдельгани Абдуллаев. Под его руководством студенты комментируют написанный на доске текст одного из хадисов. Устаз Абдуллаев сам когда-то учился на родине, затем закончил египетский университет Аль-Азхар, работал в Духовном управлении мусульман, совершил хадж. Сейчас возглавляет редакцию журнала «Мусульмане Советского Востока», выходящего в Ташкенте, часто выступает с богословскими статьями.

Знакомлюсь со студентами. 25-летний Мустафа Меликов, родом из-под Самарканда, второго по величине города Узбекистана. В кишлаке Чоршайбе живет его семья и близкие. Мустафа закончил бухарское медресе «Мир-Араб». В институте его хвалят за усердие, считают перспективным наставником верующих и поэтому часто поручают вести богослужение в местной мечети.

Сокурсники Мустафы Джафар Пончаев и Абубакр Бикмаев — уроженцы столицы Башкирии Уфы, что находится в двух тысячах километрах к северо-западу от Ташкента. Их прислало на учебу Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири.

Студенты Аллахшукюр Пашаев и Ахмед Аббасов родом из Закавказья. После окончания института их ждут в родном Баку.

«В нашем учебном заведении, — замечает директор, — учатся студенты более десятка национальностей. Их объединяет приверженность заповедям ислама, которые призывают к согласию, взаимопомощи и любви. Эти принципы им предстоит внедрять в сердца верующих, сеять семена добра и взаимопонимания между различными национальностями, быть примером для других».

Директор не без гордости замечает, что здесь собран цвет высокообразованных знатоков исламского учения в стране. Почти все преподаватели — выпускники авторитетных религиозных университетов мусульманских стран. Питомцам инсти-

тута читают лекции видные религиозные деятели, среди них муфтий мусульман Средней Азии и Казахстана Зияуддин Бабаханов, заместитель муфтия Махдум Саттиев.

В распоряжении студентов библиотека Духовного управления, которая, без преувеличения, могла бы составить честь любому учебному заведению мира. Она находится в двух шагах от их альма-матер.

В сопровождении моих знакомых захожу в библиотеку, в которой насчитывается более тридцати тысяч книг и две тысячи рукописей на арабском, персидском и узбекском языках.

Среда них — подлинники древних текстов таких светочей средневековой науки и культуры как Ибн Сина, Улугбек, Бируни, Фараби, Замахшари и др.

Один из раритетов библиотеки, который вызывает особое волнение верующих, — это точная копия Корана Османа. Вот что мне рассказали в библиотеке об истории этой ценнейшей рукописи:

«В VII веке н.э., на заре ислама, по приказу праведного халифа Османа был составлен список Корана, ставший позднее каноническим. Копии с него получили название «Османовой

редакции» или Корана Османа, а прежние записи были уничтожены во избежание разночтений.

Многие века одна из этих древнейших копий хранилась в самаркандской мечети «Ходжа Ахрар». Есть две версии ее появления здесь. Согласно первой версии, один из мюридов Ходжи Ахрара, религиозного деятеля XIV века, возвращаясь из хаджа на родину, остановился в Константинополе и вылечил тяжело больного местного правителя. Тот в благодарность подарил своему исцелителю рукопись. По другой версии, раритет был привезен великим полководцем Тимуром после его победы над турецким султаном Баязидом в XIV веке.

В 1868 году, вслед за завоеванием Самарканда русскими войсками, Коран Османа был отправлен в Петербург и помещен в Императорскую публичную библиотеку.

После революции 1917 года правительство большевиков вернуло Коран его законным владельцам. Сначала рукопись попала в Центральное Духовное управление мусульман Внутренней России и Сибири в Уфе и находилась там до 1923 года, а затем была передана в Ташкент».

Учебный день питомцев Высшего исламского института насыщен не только лекциями и занятиями. Студенты первых курсов проходят практику в журнале «Мусульмане Советского Востока». Они редактируют религиозную литературу. К примеру, участвовали в издании недавно вышедшего в Ташкенте четырехтомника «Аль-Джамиа Ас-Сахих» и «Аль-Адаб Аль-Муфрад» имама Аль-Бухари. Выход книг был приурочен к 1200-летию (по лунной хиджре) со дня рождения этого великого мусульманского ученого, юбилей которого широкого отмечался на его родине — в Средней Азии.

Ташкент, 1974

На родине аль-Бухари

❧ Высокие темнокожие гвардейцы в традиционных национальных одеяниях, охраняющие дворец марокканского короля в Рабате — одна из достопримечательностей Марокко. Будучи в этом городе, я с удивлением узнал, что в народе их называют «бухарцами».

Загадку этого названия объяснил мне местный житель. Гвардейцы, которые в основном были потомками рабов из черной Африки, проходили в прошлом особый ритуал. Присягу на верность королю они давали не иначе, как положив руку на список хадисов «Сахих аль-Бухари», автором которых был живший в 9-м веке н.э. имам Исмаил аль-Бухари, богослов из Бухары. Согласно традиции, гвардейцам во время несения службы полагалось иметь при себе рукописные экземпляры сборника хадисов — свода преданий о высказываниях и поступках пророка Мухаммеда.

Этот эпизод вспомнился мне во время командировки в Среднюю Азию, когда я освещал пребывание в Советском Союзе большой делегации ливанских мусульман в 1967 году. В их программе было посещение могилы Исмаила аль-Бухари, находившейся в кишлаке Хартанг, неподалеку от Самарканда.

Гости осматривали это место с благоговением, что говорило о том, насколько велик был в их глазах авторитет этого крупнейшего сборщика хадисов.

В следующий раз я побывал здесь через год и встретился с муфтием Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана Зияуддином Бабахановым, который совершал своего рода инспекционную поездку. Тогда здесь кипела работа:

полным ходом шла реставрация мечети, укреплялись стены, подновлялось надгробие.

Мы устроились в тени древних чинар, которые могли быть посажены несколько веков назад. Глава мусульман Средней Азии поведал мне о судьбе своего знаменитого предка, родившегося в Бухаре.

Имам Исмаил аль-Бухари, по словам муфтия, уже в 10 лет поражал окружающих незаурядными способностями и необыкновенной памятью. Он мог цитировать невероятное количество выученных наизусть хадисов.

В 14 лет юноша отправился в хадж. Будущий имам надолго покинул свою родину, жил в различных городах Ближнего Востока: Багдаде, Каире, Хорасане, Куфе и многих других, где провел в напряженном труде несколько десятков лет.

За свою жизнь аль-Бухари встретился в общей сложности с тысячей богословов разных национальностей, знатоками Священного писания и сунны. Он совершил гигантский объем работы: проверил 600 тысяч хадисов, которые тогда были в ходу, и, кроме того, еще 200 тысяч, которые он сам записал у своих учителей и информаторов.

Из этого громадного количества преданий неустомимый труженик отобрал в качестве достоверных лишь около 7400 хадисов. Из них он составил свод «Ал-Джами ас-Сахих», который обычно называют кратко «Ас-Сахих». Большинство суннитов труды аль-Бухари считаются второй по важности книгой после Корана.

Закончив рассказ, муфтий З. Бабаханов поднялся, чтобы осмотреть реставрируемые объекты. Он беседовал с мастерами и рабочими, хмурился, что говорило о его недовольстве темпом работ.

«Сегодня, — заметил духовный деятель, — могилу посещает все больше местных верующих, растет поток и приезжих иностранных гостей. Мы задумали провести важное мероприятие,

связанное с жизнью аль-Бухари, так что его место захоронения должно выглядеть соответствующим образом».

Следующий раз мне довелось посетить это памятное место по случаю проведения в августе 1974 года международной конференции «1200-летие имама аль-Бухари и современность». Основные торжества прошли в Самарканде в присутствии делегатов со всего Советского Союза и высоких представителей мусульман из 25 стран Азии, Африки и Европы.

Выступив с главным докладом, Бабаханов обратился к наследию этого корифея, вкладу, который он внес в исламскую мысль. Муфтий подчеркнул, что деятельность этого праведника, которого Всевышний одарил талантами и ненасытной тягой к познанию истины, для многих богословов прошлого и современности служили и служат путеводной звездой.

Иностранные гости в своих выступлениях воздавали хвалу этому сборщику и систематизатору хадисов Пророка, рассказывали о том, как в их странах и религиозных общинах изучают и культивируют наследие аль-Бухари, перебрасывали мостик из средневековья в наши дни.

Эмоциональной и волнующей была торжественная служба на могиле аль-Бухари, в которой приняли участие делегаты международной конференции, а также сотни местных верующих.

«На могиле великого имама аль-Бухари мы встретились с многочисленными единоверцами из Советского Союза, которые пришли, чтобы пожать нам руки, вместе отметить годовщину со дня появления на свет этого духовного деятеля, — сказал мне участник торжеств Верховный шариатский судья Иордании Абдалла Гуш. — Этот собиратель и классификатор хадисов одарил весь мусульманский мир бесценным наследием Пророка, его сочинения широко используются на ниве современного исламского просвещения.

Здесь мы соприкоснулись с историей. Мы нашли могилу имама в достойном состоянии, что показывает заботу вашего государства о духовном наследии прошлого, сохранении величественных памятников исламского зодчества».

Благодаря Исмаилу аль-Бухари, этому великому сыну Средней Азии, которого чтят и на родине, и во всем мире, мудрость и духовные ценности ушедших эпох не затерялись во мгле веков, но и поныне служат руководством к духовному совершенству каждого мусульманина.

Бухара – Хартанг, 1967, 1968, 1974

Махмуд хан-Темиров — колхозный бригадир

 На обочине просёлочной дороги остановился небольшой светлоричный автомобиль. Его хозяин, одетый в серый рабочий костюм и сапоги, хлопнув дверцей, сошел с дороги и ступил на свежеспаханное поле. Идя по полю, он иногда ненадолго останавливался, наклонялся, перебирал поднятые комочки земли.

«Эй, Ибрагим, — крикнул он трактористу, который наблюдал за приехавшим, высунувшись из кабины стоящего неподалеку трактора, — как дела?» «Хорошо, бригадир! — ответил тот, — до обеда закончим, как и думали».

Довольный ходом дела, Махмуд Хан-Темиров — бригадир колхоза имени Карла Маркса, расположенного недалеко от Самарканда, продолжил объезд своих владений. А владениям его мог бы, пожалуй, позавидовать любой бы арендатор или даже помещик на Востоке. 1600 гектаров плодородной среднеазиатской земли, засеянной зерновыми культурами.

Пока всходы не появились. Когда же заколосится пшеница, закачаются на ветру желтые початки кукурузы, на поле выйдет вся бригада Махмуда — 50 человек, с несколькими комбайнами, жатками и десятком грузовых автомобилей.

Махмуд Хан-Темиров, родившийся в узбекском кишлаке, всю жизнь проработал на земле и поэтому знает и любит её. Слово «хлопок» было одним из первых слов, которые он узнал ребёнком. Вместе с родителями и соседями выходил он в поле, помогал собирать жесткие коробочки. После окончания школы остался работать в колхозе и не один год трудился на хлопковых полях. Трудолюбие и смекалка, умение обращаться с людьми

и усердие честного работника создали ему уважение среди окружающих. Все эти качества 38-летнего колхозника были как бы залогом его успеха в прошлом году, когда собранный бригадой Махмуда урожай удивил всех. Осенью, когда стали подводить результаты хлопкового сезона, выяснилось, что во всем районе бригада Хан-Темирова оказалась лучшей — его люди вырастили больше всех хлопка в расчёте на один гектар.

С утра до вечера он — в работе: то едет на поле, то бежит в мастерскую для ремонта техники, то спешит в правление колхоза, чтобы посоветоваться с председателем и агрономом. Лишь вечером он успевает ненадолго забежать в свой сад, чтобы подвязать кусты винограда или окопать персиковое дерево.

Но среди этих хлопот, в сутолоке повседневных забот о работе и семье Махмуд как истый мусульманин никогда не забывает наставления своей религии. Пост и молитва — закон для Махмуда. В день пятничной молитвы он со своими друзьями-верующими обычно едет в старейшую мечеть Ходжа Зиемурод в Самарканде. Благо до города недалеко и машина — под рукой.

В этой мечети во время полуденной молитвы собираются сотни верующих и среди них немало знакомых Махмуда. Иногда Махмуд приходит вместе с другими мусульманами на моги-

лу знаменитого мусульманского богослова Исмаила Бухари, которая находится в 30 километрах от кишлака.

Люди не удивляются, когда узнают, что Махмуд бывал и в московской соборной мечети. 15 лет тому назад служба в армии забросила его за тысячи километров от родного селения, военная часть, в которой он служил, располагалась недалеко от столицы. И вот в свободные от службы часы Махмуд посещал моленья в московской мечети.

Впрочем, для верующего неважно, где молиться. Иногда Махмуд вместе с другими верующими собирается для молитвы в кишлаке. Чаще всего читает Коран Субханкул Хотамов. Когда-то он учился в духовной школе и поэтому знает арабский язык. В свои 63 года он уже не работает и получает от колхоза ежемесячно пенсию.

Поздно вечером возвращается Махмуд Хан-Темиров к себе домой. Закончен ещё один день крестьянина.

Аль-Азхар и Карауин — их «альма-матер»

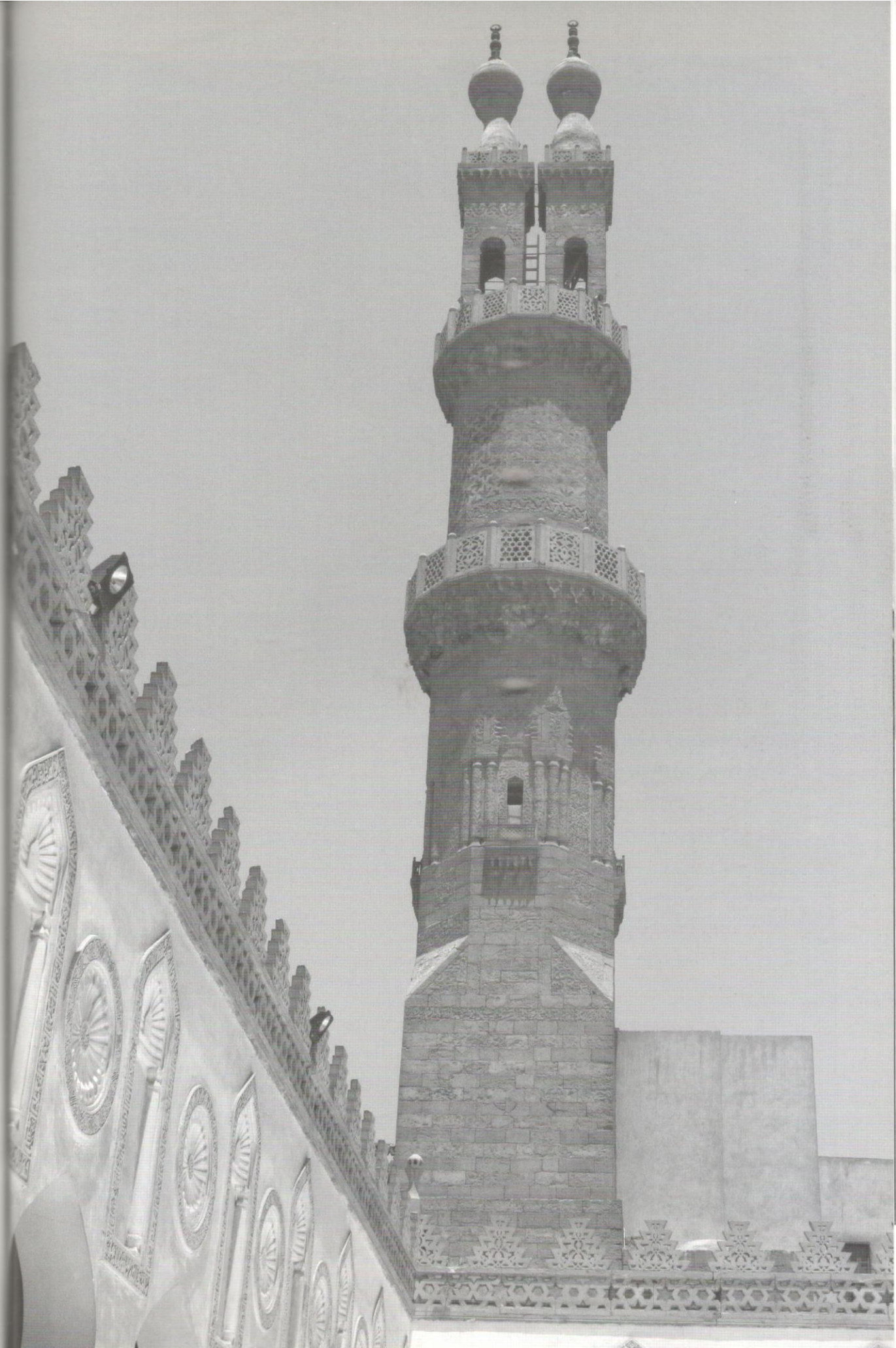

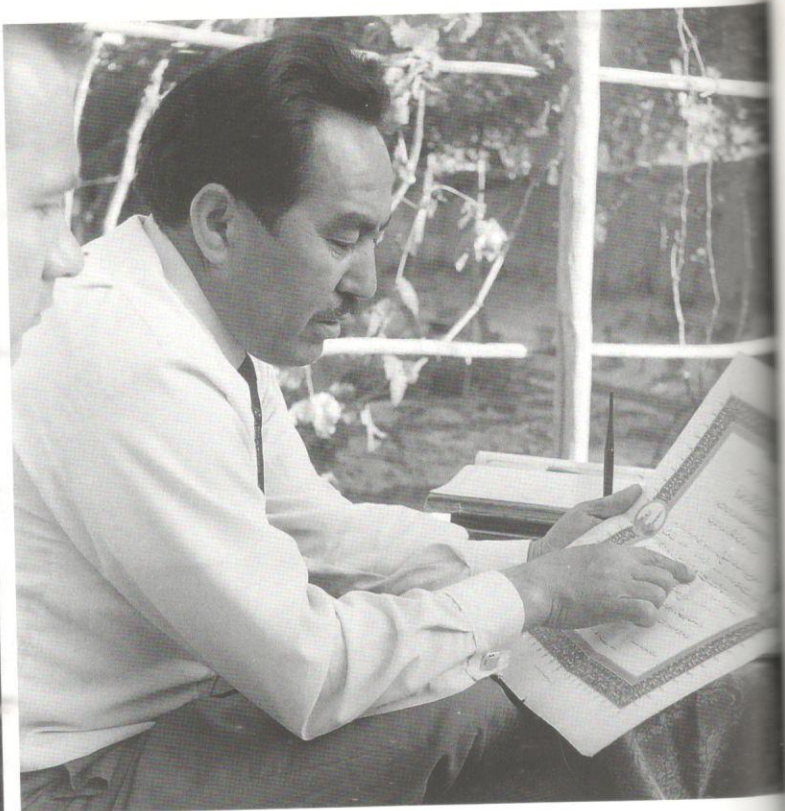
Духом далеких времен повеяло на меня при виде этого написанного красивой арабской вязью диплома. Документ свидетельствовал, что «шейх Юсупхан Шакиров, 1926 года рождения, уроженец города Токмак Киргизской ССР, мазхаб «ханафий», заслужил настоящий диплом по итогам успешной сдачи государственных экзаменов в университете Аль-Азхар в 1380 году Хиджры /1961 году/. Каир, Джума зуль-Ахира. 1381 год Хиджры /ноябрь 1961/».

Я познакомился с обладателем этого диплома в его доме в Ташкенте. Аль-Азхар — старейший и престижный мусульманский университет с почти тысячелетней историей. Мало кто из наших соотечественников закончил его.

«Моя судьба и карьера, — рассказывал Шакиров, — сложились под влиянием отца — видного среднеазиатского кади Али-хана Шакурджанова. Один мой брат стал врачом, другой избрал сельское хозяйство, а я решил пойти по духовной стезе и поступил в Бухарское медресе. По результатам выпускных экзаменов я получил «путевку» на учебу в каирский университет Аль-Азхар. Шесть лет провел в его стенах. На родине мне доверили возглавить отдел Международных связей Духовного Управления мусульман Средней Азии и Казахстана».

Мой собеседник рассказал, что этот отдел ведет переписку с зарубежными организациями единоверцев, участвует в подготовке различных исламских конференций и форумов, обменивается делегациями, оказывает содействие соотечественникам, совершающим хадж в Мекку и Медину, а также тем, кто отправ-

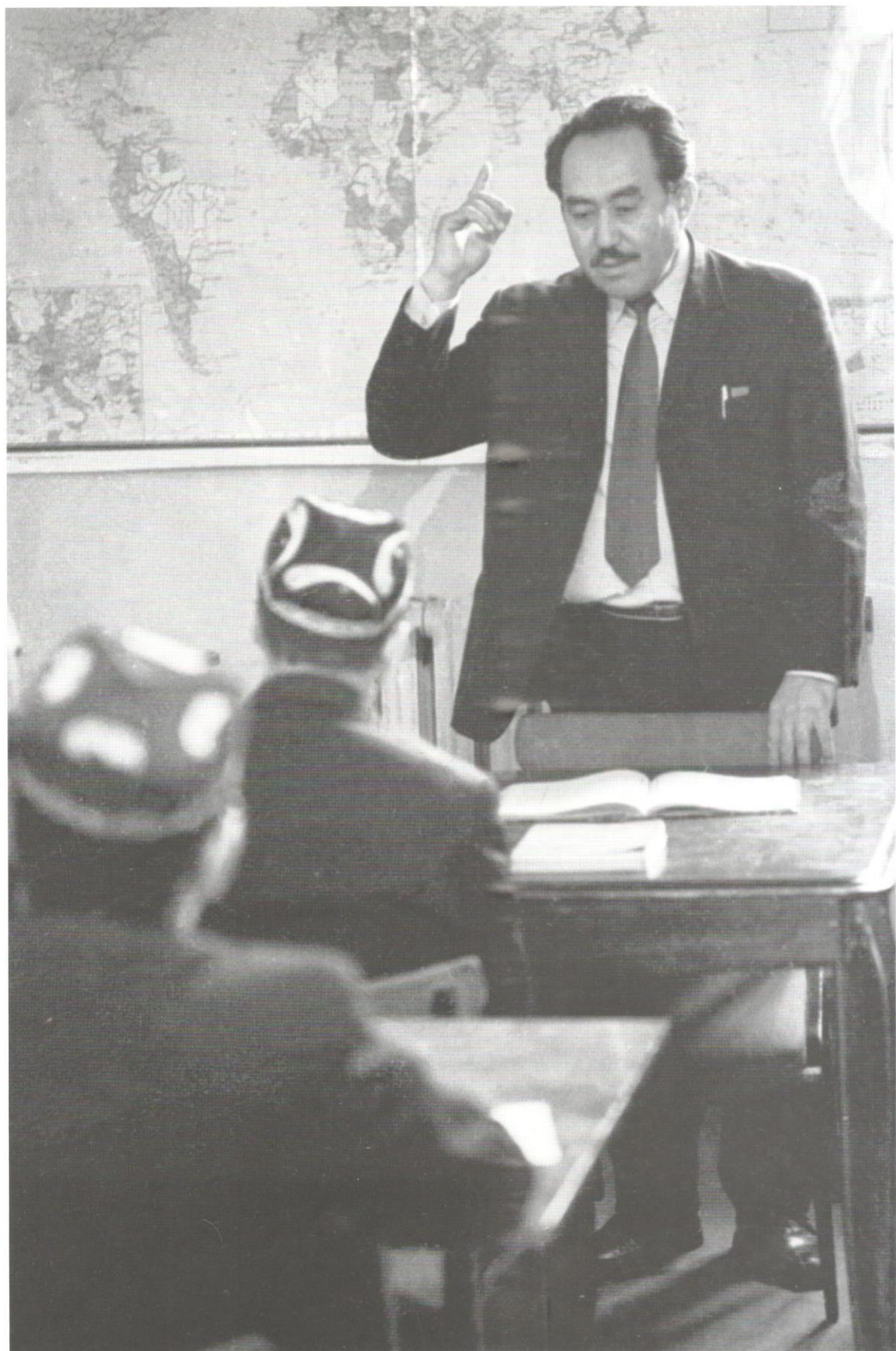
ляется на учебу в духовные учебные заведения ряда мусульманских стран.

Юсупхану Шакирову в составе делегаций верующих неоднократно приходилось выезжать в Египет, Ливан, Алжир, Саудовскую Аравию и другие страны, выступать на международных исламских встречах.

«Я проработал в этом отделе уже 14 лет и могу судить о росте интереса за рубежом к нашей действительности, к жизни и положению верующих в стране. Сейчас не проходит и недели, чтобы к нам в Управление не наведывались иностранные делегации», — сказал он.

Юсупхан Шакиров читает курс арабской филологии и литературы в Высшем институте имени имама Аль-Бухари, а недавно закончил работу над кандидатской диссертацией на тему «Аль-Азхар — центр арабской филологии за 1000 лет».

В Ташкенте живут и работают однокашники Шакирова по Аль-Азхару. Прежде всего, это председатель Духовного Управления мусульман Средней Азии и Казахстана муфтий Зияуддин Бабаханов. Он провел в знаменитом каирском университете два года (1947–48). Его сын, Шамсуддин Бабаханов, тоже закончил

Аль-Азхар в 1966 году и стал видным арабистом, проректором Высшего исламского института.

Земляки Шакирова Усман Рахимджанов и Фуладжан Абдулрахимов стажировались в Аль-Азхаре почти в одно и то же время, первый — в 1965 – 70 гг., второй — в 1967 – 68 годы. Обогащенные знаниями и мудростью, оба по возвращении на родину были назначены имамами. Рахимджанов — имамом мечети Аль-Бухари. Она расположена неподалеку от Самарканда, на месте захоронения широко известного в исламском мире классификатора и сборщика хадисов Пророка, автора сборника «Аль-Джами Ас-Сахих» Исмала Аль-Бухари. Древняя мечеть долгое вре-

мя реставрировалась. Мне приходилось встречаться с имамом несколько раз, и я видел, как он хлопотал вокруг стройки во дворе храма.

Фуладжан Абдуррахимов ныне окормляет жителей махалли Бадамзар — одного из районов узбекской столицы. Он служит в мечети Мирзы-Юсефа, названной в честь исламского проповедника, жившего во времена знаменитого Улутбека.

К числу выпускников Аль-Азхара принадлежит и Абдельгани Абдуллаев, главный редактор издаваемого в Ташкенте журнала «Мусульмане Советского Востока». В здании редакции, окруженном тенистым садом, состоялся наш с ним разговор.

«Наш журнал, — сообщил Абдуллаев, — издается с 1969 года. В настоящее время он выходит на 4 языках. В нем мы ведем хронику событий жизни наших верующих, на страницах издания выступают видные богословы и авторы. Журнал расходит-

ся по международным исламским организациям, министерствам религиозных дел, шариатским факультетам стран ислама».

Абдельгани Абдуллаев совмещает редакторскую работу с преподаванием в Высшем исламском институте имени имама Аль-Бухари при Духовном управлении мусульман Средней Азии и Казахстана. Будущим священнослужителям он преподаёт арабский язык и риторiku.

Директор этого института Асрар Мавлянкулов принадлежит к когорте граждан СССР, совершенствовавших свои знания в Карауинском университете, духовном центре Марокко. Он был основан в 859 году в городе Фесе и считается старейшим в мире постоянно действующим высшим учебным заведением.

«К примеру, в Европе, — сказал при встрече со мной Мавлянкулов, — первый университет (в Болонье) появился три века спустя, в 12 веке. Из стен Карауина вышла плеяда учёных, философов и богословов, оставивших заметный след в развитии мусульманской мысли и мировой культуры».

Диплом Карауинского университета и у Абутураба Юнусова, который работает хранителем библиотеки Духовного управления. В ее фондах собрано много книг, большое число старинных манускриптов на восточных языках. Среди них есть подлинники таких авторов как Ибн-Халдун, Ибн-Сина, Фараби, Бируни, Замахшари, Фузули и других.

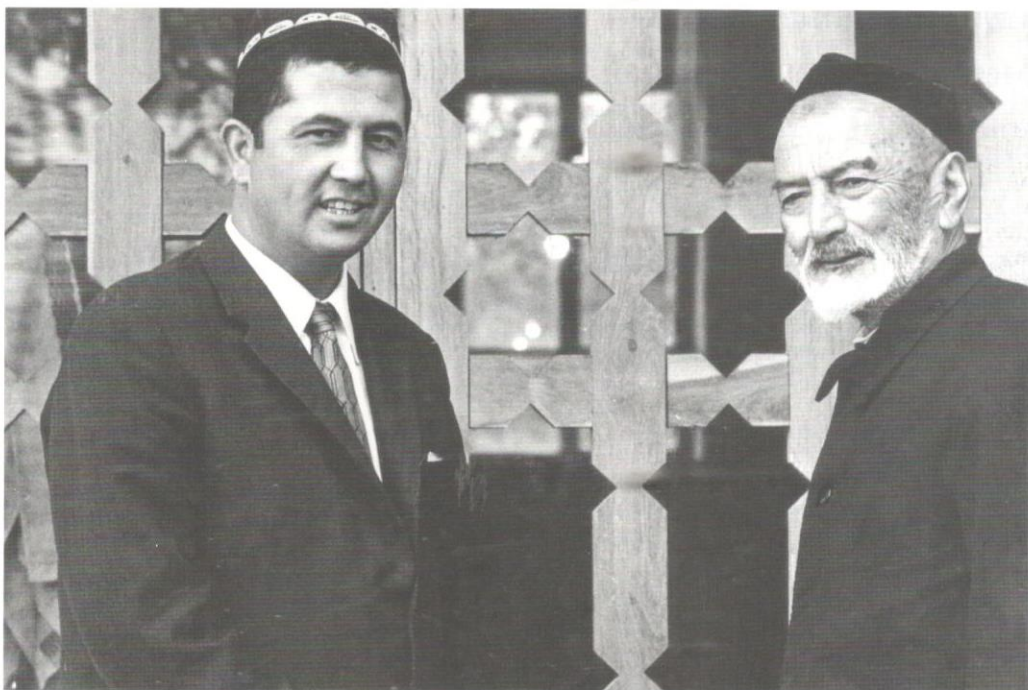
Хранитель частенько проводит экскурсии для туристов и иностранных гостей, посещающих это хранилище. В книге посетителей я увидел записи на различных языках. Среди них подписи главы мусульманской молодежной делегации Марокко Ид Ар-Рахима Бенсламы, декана марокканского университета Хасана М. Аль-Хаббаби, главы округа Дар-Аль-Бейда и других марокканских гостей, которых принимал в Ташкенте Юнусов.

В среднеазиатском городе Бухаре трудится и другой воспитанник университета в Фесе — Абдуррахман Рахматуллаев. Каждое утро этот среднего роста, черноволосый человек входит в массивные деревянные двери, спрятанные в глубине портала старинного здания. Табличка у входа гласит: «Медресе Мир-Араб» при Духовном управлении мусульман Средней Азии и Казах-

стана». Уже несколько лет Абдуррахман Рахматуллаев директорствует в этом медресе.

Для этих людей Аль-Азхар в Каире, Карауинский университет в Фесе стали «альма-матер». Одни служат на поприще исламского образования и просвещения, другие — наставниками верующих. Они говорили мне, что годы учебы за рубежом позволили им постичь глубину и живительную силу ислама, богатство философии его учения.

Благодаря этим людям благодатный свет знания, исходящий из двух древних очагов религиозной мысли и культуры, доходит до последователей ислама в нашей стране, олицетворяя связь духовных идеалов и традиций.

Ташкент, 1974

150

Содержание

К читателю	3
В древнейшем медресе у «Подножья Величия»	6
Один день из жизни мутавалли Ташкента	16
У врачей древностей	22
В гостях у имама Фуладжана Абдеррахимова	32
Кузница кадров священнослужителей в Ташкенте	40
На родине аль-Бухари	50
Махмуд хан-Темиров — колхозный бригадир	58
Аль-Азхар и Карауин — их «альма-матер»	62

Зинин Ю.Н. / Реалии и судьбы мусульман: взгляд из советского прошлого — М., 2011. — 72 с.
ISBN 9785936600869

Автор текста и фотографий — *Юрий Зинин*
Редактор — *Аида Соболева*
Дизайн и вёрстка — *Алина Векшина*

Подписано к печати 01.07.11. Формат 190 x 275 мм. Гарнитура Minion Pro.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9. Тираж 500 экз.

ООО «Типография «Мосполиграф», г. Москва, ул. 4-й Лихачевский пер., д. 4, тел.: +7 (495) 974-3338

С автором этого альбома я знаком более четверти века. Мы не раз встречались на востоковедных конференциях, бывали в совместных научных командировках и экспедициях.

Долгие годы работы за рубежом, в арабском мире, в качестве журналиста помогли Юрию Зинину проникнуть в жизнь и проблемы местного общества, познакомиться со многими его видными представителями.

Хочу отметить вклад Зинина в популяризацию научных знаний о Востоке, его цивилизации и культуре. Он много сделал и для ознакомления читающей публики с важнейшими результатами изучения исламского наследия в России.

Предлагаемое издание, несомненно, обогатит наши представления об исламе и его последователях в советский период. Книга заслуживает особого внимания, ибо передает нынешнему поколению интересные наблюдения человека, без преувеличения, увлеченного Востоком и посвятившего всю свою жизнь его познанию.

Сегодня Ю. Зинин работает в Центре партнерства цивилизаций, организации, вносящей важный вклад в дело взаимопонимания представителей разных культур и вер, прежде всего ислама и христианства.

Ефим Резван, д.и.н., проф., Главный редактор международного научного журнала "Manuscripta Orientalia", заместитель директора Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН

Сборник очерков известного журналиста-востоковеда Юрия Зинина представляет уникальную возможность соприкоснуться с недавней историей страны, связанной с жизнью мусульманских народов Средней Азии.

Сегодня, когда на месте бывших среднеазиатских республик образовались центрально-азиатские государства, этот познавательный альбом служит не только ностальгическим напоминанием об СССР, но и раскрывает малоизвестный пласт бытия мусульманских народов некогда единой страны.

Фарид Абдуллоевич Асадуллин, член Общественной палаты РФ, ведущий научный сотрудник ИВ РАН, директор НПЦ «Аль-Васатыйя»

ISBN 9785936600869

9 785936 600869

